

“ХРИСТИАНСКИЙ МУЗЕЙ” В ХЕРСОНЕСЕ: ОЦЕНКА ПРОЕКТА А. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДОМ

Характерной чертой культурной жизни Российской империи во второй половине XIX в. был рост числа музеев, ориентированных на хранение и экспонирование объектов историко-культурного наследия страны. Данная тенденция была обусловлена развитием гуманитарных научных дисциплин (в том числе – история, археология), прикладного музееведения, повышением культурно-образовательного уровня населения¹. Либеральные преобразования в общественной и культурной жизни страны привели к развитию системы научных объединений (научно-исторические, естественнонаучные, церковно-археологические общества, губернские ученые архивные комиссии), в структуру которых, часто, входили музеи соответствующего профиля. При этом, исследователи отмечают, что подавляющее большинство музеев было создано в пореформенный период². По некоторым данным, к 1914 г. в стране действовали около 180 музейных учреждений. Значимым событием в истории музейного дела стало основание первого национального Императорского Российского Исторического музея в 1872 г.³

Развитие музейного дела в России сопровождалось обсуждением проблем организации экспозиций, комплектования фондов, финансового и правового обеспечения работы музеев и др. Эти вопросы регулярно становились предметом дискуссий на Всероссийских археологических съездах (АС). Так, на II АС (Санкт-Петербург, 1871) был рассмотрен проект создания церковно-археологических музеев при духовных академиях, представленный профессором Киевской духовной академии П. Лошкаревым (1835–1899)⁴. В 1887 г. на VII АС (Ярославль) был заслушан доклад П. Уваровой (1840–1924) о положении провинциальных музеев и утверждён “Проект положения для губернских и областных музеев”⁵.

¹ Т.Ю. Юренева, *Музей в мировой культуре*, Москва 2003, с. 251.

² А.Д. Степанский, *К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России*, Археографический ежегодник – 1974 (1975) 38–55; И.И. Комарова, *Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX – начала XX в.*, Археографический ежегодник – 1990 (1992), 83–88; А.С. Смирнов, *Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века)*, Москва 2011, с. 18–72.

³ Т.Ю. Юренева, *Указ. соч.*, с. 252–254.

⁴ *Общие собрания съезда: I. (11 декабря утром)*, Труды второго археологического съезда в Санкт-Петербурге 2 (1881) 60–61.

⁵ П.С. Уварова, *Областные музеи*, Труды седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 г. 2 (1891) 259–281; *Проект положения для губернских и областных музеев*, Труды седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 г. 2 (1891) 282–284.

Принципы комплектования фондов региональных музеев обсуждались на X АС (Рига, 1896)⁶.

Стоит отметить, что в Северном Причерноморье в первой четверти XIX в. были созданы несколько общедоступных музеев древностей: Феодосийский (1811), Одесский (1825), Керченский (1826)⁷. В 1839 г. начало функционировать Одесское общество истории и древностей (ООИД) – первое научно-археологическое объединение в России. При обществе был организован музей древностей, который находился под управлением Н. Мурзакевича (1806–1883), одного из членов-основателей ООИД, секретаря (1839–1875), позже – вице-президента (1875–1883). В 1858 г. коллекции Одесского городского музея и собрание ООИД были объединены под патронажем общества и руководством Н. Мурзакевича, занимавшего пост хранителя до 1883 г.⁸ В начале 1850-х гг. в структуру ООИД был передан Феодосийский музей древностей⁹. В 1869 г. ООИД получило право курировать Мелек-Чесменский курган в Керчи, что позволило создать при нем музей эпиграфических памятников из Пантикапея и окрестностей¹⁰.

В 1876 г. Одесское общество истории и древностей получило право на археологическое изучение Херсонесского городища, а также, предназначенную для этой цели, ежегодную субсидию (1000 руб.) из средств Святейшего Синода¹¹. Для организации работ на памятнике был сформирован “раскопчный комитет” под руководством Н. Мурзакевича. В его состав вошли настоятель монастыря игумен о. Анфим (Казимиров), инженер-полковник К. Геммельман (?–1898) и известный нумизмат П. Бурачков (1815–1894)¹². В 1876 г. был разработан проект научных

⁶ Заседание совета съезда 14 августа, вечером, Труды десятого археологического съезда в Риге, 3 (1900), 126.

⁷ И.В. Тункина, *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–XIX в.)*, Санкт-Петербург 2002, с. 207–226.

⁸ И.В. Тункина, *Указ. соч.*, с. 288–290; С.Б. Охотников, *Археология в Одессе. 185 лет Одесскому археологическому музею (1825–2010)*, Одесса 2010, с. 32–42.

⁹ *Летопись общества, с 14 ноября 1862, по 14 ноября 1866 года*, ЗООИД, 6 (1867), 480–481; И.В. Тункина, *Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг.*, Киев 2011, с. 150.

¹⁰ В.Н. Юргевич, *Краткий очерк деятельности императорского Одесского общества истории и древностей*, ЗООИД, 14 (1886) 55–56; С.А. Шестаков, *Лapidарные памятники из раскопок и приобретений В.В. Шкорпила*, Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений, Керч 2003, с. 291.

¹¹ К.Э. Гриневич, *Сто лет херсонесских раскопок*, Севастополь 1927, с. 9–23.

¹² *Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1875 г. по 14 ноября 1876 г.*, Одесса 1877, с. 10.

изысканий и охранных мероприятий в Херсонесе, который предусматривал создание на городище древлехранилища¹³.

Концепция будущего “Христианского музея” разрабатывалась вице-президентом ООИД Н. Мурзакевичем (1806–1883)¹⁴. Интерес Николая Никифоровича к древностям Херсонеса сформировался еще в 1830-х гг., когда ученый опубликовал небольшой очерк по истории города¹⁵. Позже он имел отношение к раскопкам на городище, проводившимся в 1850–1860-х гг. настоятелями монастыря, А. Уваровым (1825–1884), инициировал ряд мер по сохранению памятника¹⁶. По-видимому, идея организации музея в Херсонесе конкретизировалась к 1878 г., когда было принято решение создать экспозицию средневековых артефактов и разместить ее в специальном здании, построенном “*в византийском характере*”. Для его сооружения предполагалось использовать архитектурные фрагменты, найденные на памятнике¹⁷. Вероятно, псевдовизантийский стиль сооружения должен был подчеркивать специфику экспозиции, раскрывающей историю христианства в Крыму. Организаторы музейного дела того времени придавали большое значение сочетанию визуального восприятия архитектуры здания и культурно-исторической тематики собрания. Так, Керченский и Феодосийский музеи, в коллекциях которых преобладали античные вещи, занимали постройки, стилизованные под древнегреческие храмы¹⁸.

Нужно отметить, что еще в 1876 г. представители ООИД и монастыря св. Владимира обсуждали возможность возведения на городище крещальни “*в виде древней христианской баптистерии, которая соранною с кровли храма (собора св. Владимира – А.Ш.) водою образует водосвятный фиал, по подобию существующих на святой Афонской*

¹³ ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21–21об.; А.В. Шаманаев, *Проект исследований и охраны Херсонесского городища Одесского общества истории и древностей 1876 г.*, Херсонесский сборник 17 (2012) 215–222.

¹⁴ И.В. Тункина, *Мурзакевич Николай Никифорович*, Российская музейная энциклопедия 1 (2001) 411; А.А. Непомнящий, *Подвижники крымоведения*, Симферополь 2006, с. 73–92. (Библиография крымоведения; Вып 7).

¹⁵ Н.Н. Мурзакевич, *Краткая история древнего Херсона*, Одесса 1836, 14 с.

¹⁶ К.Э. Гриневич, *Указ. соч.*, с. 14–16; И.В. Тункина, *Русская наука...*, с. 533; А.А. Непомнящий, *Указ. соч.*, с. 78–88.

¹⁷ *Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1878 г. по 14 ноября 1879 г.*, Одесса 1880, с. 9.

¹⁸ И.В. Тункина, *Русская наука...*, с. 224; Р.С. Лихотворник, *Путешествие со старой открыткой. Феодосия, Старый Крым, Коктебель, Отузы, Кизилташ на рубеже XIX–XX столетий*, Феодосия 2004, с. 42–45.

горе”¹⁹. Постепенно идея реконструкции культового сооружения трансформировалась в проект постройки помещения для музея христианских древностей Херсонесского городища. Эскиз будущего здания был выполнен кондуктором Пруденковым, вероятнее всего, подчиненным К. Геммельмана, скорее всего, в 1878–1879 г. Основой архитектурного решения была арочная конструкция, увенчанная куполом²⁰.

В конце 1879 г. Н. Мурзакевич привлек к обсуждению проекта музея А. Бертье-Делагарда (1842–1920). Ответ Александра Львовича, датированный 3 (15) декабря 1879 г. хранится в личном фонде Н. Мурзакевича из собрания Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)²¹.

Александр Львович Бертье-Делагард родился в Севастополе в семье морского офицера, сына французского эмигранта. После окончания Инженерной Академии (1864) он служил в Херсоне, в 1874–1887 г. – в Севастополе. По службе он принимал участие в модернизации линии береговой обороны города, в том числе, в работах на территории Херсонесского городища. Во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг. Александр Львович увлекся древностями Северного Причерноморья. А. Бертье-Делагард получил известность как исследователь истории, археологии, нумизматики, эпиграфики Северного Причерноморья, внес большой вклад в дело сохранения историко-культурного наследия региона. По его собственным словам, большое влияние на формирование его научных интересов оказал Н. Мурзакевич, знакомство с которым состоялось в начале 1870-х гг.²²

В письме к Н. Мурзакевичу Александр Львович, прежде всего, подверг критике саму идею организации на городище музея. По его мнению, он не мог соответствовать своему назначению, прежде всего, из-за удаленности от города. А. Бертье-Делагард подчеркнул, что главная задача

¹⁹ ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21об. Здесь и далее в цитатах сохранены стиль, орфография и пунктуация подлинника.

²⁰ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 5об.–6.

²¹ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 3–7.

²² Т.А. Избаш, *Два патриарха*, Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова / редкол. А.Д. Столяр (отв. ред.), И.В. Тункина, И.Л. Тихонова, В. Я. Шумкин. Санкт-Петербург 2002, с. 166–175; А.А. Непомнящий, *А.Л. Бертье-Делагард в историко-краеведческом изучении Крыма в конце XIX – начале XX века*, Французы в Крыму / ред.-сост. Ж.С. Амфитеаторова. Кн. 1: История, культура и традиции народов Крыма. Симферополь 2004, с. 15–30. А.А. Непомнящий, *Подвижники крымоведения...*, с. 112–144; А.Л. Бертье-Делагард, *Автобиография*, Бертье-Делагард А.Л. Автобиография. Избранные труды по нумизматике 1 (2009) 7–19; В.В. Крестьянников, *Воссоздание крепости “Севастополь” во второй половине XIX – начале XX вв.*, Севастополь: взгляд в прошлое. Севастополь 2006, с. 66–67.

таких учреждений заключается не только в организации хранения артефактов, а в возможности репрезентовать их исследователям и любителям старины. Таким образом, публичный музей должен быть максимально доступным, как по расположению, так и по организации его работы. При этом Александр Львович ссылался на опыт зарубежных и отечественных музеев историко-археологического профиля. Он писал: *“Назначение всякого музея есть не только хранение возможно более доступно ученым и публике, доступность-же главным образом определяется местом нахождения музея. В этом отношении Херсонес очень плох: добраться туда очень трудно и дорого, да и добравшись надо будет не мало хлопотать чтобы попасть в музей, который всегда будет заперт; в конце концов окажется, что музей находящийся в стороне от всякого движения, никому не будет известен, пример чему можно видеть на музеях Керчи и Феодосии, куда почти никто не ходит и куда и я сам попал только после немалого труда и многих неудач. Будь богатые древности Пантикапеи собраны в Керчи оне наверно пропали-бы и для публики и для науки; по счастью их прибрали в Петербурге. В Помпее тоже музея не устроили, а сосредоточили все в Неаполе²³. Херсонесские древности пожалуй не заслуживают оставления в Эрмитаже, но и запропастить их в Херсонесе тоже – бы не следовало”²⁴*. Впечатление А. Бертье-Делагарда о не целесообразности размещения музея на городище имело основание. Авторы путеводителей по Крыму, побывавшие в Севастополе в первой половине 1870-х гг., описали Херсонес как место пустынное, перекопанное траншеями времен Крымской войны, не ухоженное и не благоустроенное. Исключение составлял комплекс монастыря и строительная площадка будущего собора св. Владимира²⁵.

А. Бертье-Делагард предложил Н. Мурзакевичу рассмотреть два возможных варианта организации экспозиции. Для автора письма наиболее очевидной была передача находок в музей Одесского общества истории и древностей: *“Я думаю что их можно бы было собрать в Одессу, а тогда и строить ничего ненужно, значит деньги в кармане”²⁶*. В этом случае сохранялась целостность археологических коллекций, вещи из

²³ См.: A. Fittipaldi, *Museums, safeguarding and artistic heritage in Naples in the eighteenth century: some reflections*, Journal of the history of collections 19/2 (2007) 194–199.

²⁴ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 4–4об.

²⁵ Ф.В. Ливанов, *Херсонес (древний “Корсунь”)*, Ф.В. Ливанов, Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма, Москва 1875, с. 3–4; Е.И. Марков, *Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы*, Киев 2006, с. 119–120.

²⁶ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 4об.

раскопок попадали в учреждение с налаженной системой учета, хранения и экспонирования артефактов. Кроме того, музей ООИД уже имел известность, находился в центре крупного города с богатыми культурными традициями²⁷. Однако, для такого решения проблемы имелись серьезные препятствия. В частности, открытым оставался вопрос о сохранении крупногабаритных находок (архитектурных деталей, эпитафических памятников и др.). Их транспортировка в Одессу была дорогой, да и возможностей организовать специальное хранилище для них Одесский музей не имел. Кроме того, еще с начала 1850-х гг. существовала идея создания музея христианских древностей при монастыре св. Владимира в Херсонесе, который имел юридические обоснования прав на артефакты “христианского происхождения”²⁸.

В качестве альтернативы Одессе, А. Бертье-Делагард предложил открыть экспозицию херсонесских находок в Музее Севастопольской обороны²⁹. Этот музей, открытый в 1869 г., располагался на центральной улице Севастополя (Екатерининской) и занимал 5 комнат в доме одного из героев обороны города генерала Э. Тотлебена (1818–1884)³⁰. В этом случае, не решенным оставался вопрос о хранении крупных артефактов. Также, Александр Львович понимал, что помещений в доме Э. Тотлебена не достаточно для развертывания полноценной археологической экспозиции. Он надеялся, что в ближайшее время будет построено специальное музейное здание или для него реконструируют полуразрушенную Петропавловскую церковь на Екатерининской улице: *“В Севастополе их также можно поместить, я думаю, даром, вместе с Севастопольским музеем, которому непременно придется выстроить особое помещение; существует предположение возобновить с этой целью Петропавловскую церковь, чем сохранить прекрасное здание и музей получится восхитительный; Ген[ерал], Ад[ъютант] Тотлебен, насколько знаю, одобряет эту идею и, весьма вероятно, будет содействовать ее осуществлению. В таком месте древности Херсонеса будут у всех на виду, возбуждая*

²⁷ См. напр.: А.М. Де-Рибас, *Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания*, Москва 2005, 276 с.

²⁸ А.В. Гроздов, *Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря*, ИТУАК 5 (1888) 99–100; И.В. Тункина, *Русская наука...*, с. 527.

²⁹ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 4об.

³⁰ Е.Н. Гавришева, *Увековечение памяти защитников Севастополя, Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов: Первая героическая оборона Севастополя: историческая литература / Сост. В.В. Крестьянников*. Севастополь 2005, с. 176.

*собою желание посмотреть и то место где они найдены*³¹. Эти планы не были реализованы: храм в стиле классицизма, возведенный в 1844 г., по проекту В. Рулева (1810–1881), отремонтировали в 1888 г., сохранив его культовую функцию; специальное здание для Музея Севастопольской обороны построили только в 1895 г.³²

Вероятно, Александр Львович осознавал трудности создания экспозиции херсонесских находок в существующих музеях. Поэтому, он был вынужден признать, *“что музей там (на городище – А.Ш.) состоится”*³³. В связи с этим, А. Бертье-Делагард уделил значительное внимание критике существующего проекта с позиций художественно-исторического анализа и экономической целесообразности.

Так, он отметил, что эскиз Пруденкова не основан на каких-либо исторических или археологических реалиях, лишен эстетической целостности: *“Стиль музея, псевдо классический, состоящий из нерационального смешения горизонтальных покрытий с арками, столь-же ложный как и та подделка под купол, которою покрыто здание; такая архитектурная пометь вообще конечно не признается ни одним художником и тем более в Херсонесе, где, по бедности и безграмотности обывателей, сводчатое покрытие было вовсе неизвестно т[о] е[сть] не употреблялось”*³⁴. Он указал на то, что *“Все размеры здания очень не велики и даже для маленького музея будут недостаточны”*³⁵. Александр Львович признал возможность усовершенствовать проект, *“уничтожив арки между колонн и обратив купол в шатер, сделав одним словом некоторое, довольно рациональное, но жалкое подобие храма Весты в Риме”*. При этом, он обратил внимание Н. Мурзакевича, что и такая постройка будет плохо выглядеть рядом с будущим собором: *“маленькое, плохонькое здание станет рядом с громадным храмом и домом, по сравнению с которыми будет казаться какою-то будкою для подчаска. Без сомнения бедность не порок, но бедность с претензией хуже всякого порока; в рисунке музея претензия очень большая, чуть не Пантеон, и жалкая бедность размеров, украшений и конечно исполнения”*³⁶.

³¹ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 4об.–5.

³² Е.В. Веникеев, *Архитектура Севастополя: Путеводитель*, Симферополь 1983, с. 69; Е.Н. Гавришева, *Указ. соч.*, с. 176.

³³ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 5.

³⁴ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 5об.–6.

³⁵ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 5об.

³⁶ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 6–6об.

Александр Львович предположил, что затраты на строительство можно определить в 7–8 тыс. руб., при использовании строительных материалов из раскопок для возведения корпуса постройки. Однако, он скептически оценил перспективу использования древних мраморных фрагментов для декора здания “так как это все разнообразная и никуда негодная мелкая дрянь”³⁷.

В этом случае, А. Бертье-Делагард также предложил два возможных варианта решения проблемы. Он считал, что оптимальным может быть строительство небольшого функционального здания без архитектурных “излишеств”: “Я всегда предпочту простой домик нашей слободки, цена которого, при той же площади, будет не более 1500 р[ублей]; это будет бедность, но вполне почтенная”³⁸. Одновременно с этим, он высказал идею осуществить реконструкцию одного из уже раскопанных храмов Херсонеса: “С некоторыми, довольно изрядными средствами, я бы предпочел скорее всего возобновить, возможно точнее одну из старых базилик, но новый храм задавит и ее; еще причина, и не устранимая, неудобства постройки музея в Херсонесе”³⁹.

Время подтвердило справедливость критических замечаний А. Бертье-Делагарда. На строительство музея Одесскому обществу истории и древностей удалось собрать только 600 руб., абсолютно недостаточных для реализации проекта⁴⁰. Вновь идея создать музей в Херсонесе была озвучена Императорской Археологической Комиссией (с 1888 г. раскопки памятника полностью перешли под ее контроль). В 1887 г. Комиссией был разработан план работ на городище, который предусматривал реконструкцию одной из раскопанных базилик для размещения коллекции археологических находок⁴¹. Против этого проекта высказались И. Толстой (1858–1916), Н. Кондаков (1844–1925), А. Бертье-Делагард⁴². В итоге Императорская Археологическая Комиссия отказалась от идеи реконструкции базилики и размещения в ней экспозиции. В 1903 г. Комиссия приняла решение о строительстве специального музейного здания в стиле модерн и выделении для этого 40 тыс. руб. Однако, из-за начала

³⁷ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 5об.

³⁸ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 6об.

³⁹ РО ИРЛИ РАН, ф. 603, № 68, л. 6об.

⁴⁰ А.В. Шаманаев, *К истории проекта создания “Христианского музея” в Херсонесе*, Херсонесский сборник 15 (2006) 231–234.

⁴¹ НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 35.

⁴² НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 29, 65об.–66; 1890 г., д. 26, л. 115–115об.

русско-японской войны и последовавших революционных событий музей так и не был построен⁴³.

Таким образом, изучение письма А. Бертье-Делагарда позволяет выявить не только его замечания по поводу конкретного проекта, но и получить представление о некоторых принципах музееведения, характерных для второй половины XIX в. Так, музей рассматривался как публичное учреждение, доступное для специалистов и любителей старины. Одним из способов достижения этого было размещение музея в центре города. В идеале, эстетика музейного здания должна была соответствовать профилю экспозиции в художественно-историческом отношении и обеспечивать благоприятные условия для экспонирования и хранения вещей. Большое значение в музейном деле имел экономический фактор, так как государство финансировало крайне ограниченное число музеев, а научные организации и местные власти, как правило, не имели необходимых финансовых ресурсов.

⁴³ К.Э. Гриневич, *Указ. соч.*, с. 30–31; Р.В. Стоянов, *Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического*, Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Научн. ред.-сост. А.Е. Мусин, Санкт-Петербург 2009, с. 536–540.